

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО

Москва 1989 - 1991 - 2000 - с. 6

Как я аккомпанировал Шаляпину

Шаляпинская тема кажется неисчерпаемой. С каждым годом великий русский певец открывается все новыми и новыми гранями. Свой вклад в воссоздание образа Ф. Шаляпина вносят и кинематографисты. Пятичасовой документально-художественный фильм о нем создает сейчас студия «Возрождение» Всесоюзного производственно-творческого объединения «Видеофильм».

«Картина «Великий Шаляпин», — говорит художественный руководитель студии, режиссер фильма Юрий Альдохин, — задумана как сериал при широком сотрудничестве советских кинематографистов с зарубежными фирмами и меценатами. Масштабность фильма позволит нам достаточно правдиво и подробно отразить на экране творческую биографию Шаляпина, во всей сложности и противоречивости показать жизнь артиста, который в 1922 году вынужден был покинуть Родину, но до конца дней своих остался верен традициям русского творчества. Главная цель состоит в том, чтобы открыть нашей молодежи этого великого человека. Ведь такие люди, как Шаляпин, — это духовная опора и гордость России».

Съемки фильма проходили на родине певца в Казани, в Нижнем Новгороде, где он неоднократно выступал, в Санкт-Петербурге, Москве, а также за рубежом — во Франции, Италии, Финляндии, в странах, с которыми связаны различные периоды его жизни.

В Финляндии, где Шаляпин выступил в ноябре 1935 года в двух оперных спектаклях — «Фауст» и «Севильский цирюльник», во время съемок фильма мне посчастливилось познакомиться с людьми, которые лично знали Шаляпина. Их воспоминания внесли новые штрихи в образ великого певца. Один из них — 77-летний Жорж де Годзински. Он здоров, энергичен. В Финляндии его знают и стар, и млад: известнейший дирижер, композитор, пианист. Он — единственный живущий в мире аккомпаниатор, который длительное время работал бок о бок с певцом. С ним, тогда еще 21-летним концертмейстером, и познакомился Шаляпин в 1935 году, когда он должен был отправиться на гастроль в Японию и Китай, а концертмейстера у него в тот момент не было.

Георгий Францевич Годзинский, как он просит себя называть по русскому обычаю, родился в 1914 году в Петербурге. Его отец увлекался музыкой и был знаком с Федором Ивановичем. В 1920 году семья Годзинских перешла по льду Ладожского озера в Финляндию, где молодой Георгий проявил себя как талантливый музыкант. К приезду Шаляпина на гастроль в Хельсинки Георгий работал в оперном театре с балетной труппой как аккомпаниатор.

— Однажды на репетиции ко мне подошел Шаляпин, — вспоминает Георгий Францевич. — «Кто ты такой? — спросил он. — Говоришь по-русски?».

После прослушивания в гостинице «Торни», в которой останавливался Шаляпин, выяснилось, что молодой человек владеет прекрасно не только русским языком, но и инструментом. Последовало предложение поехать с Шаляпиным в зарубежное турне.

— Я был в панике, — вспоминает Годзинский. — Ехать в такую дальнюю поездку, да еще с певцом, находившимся в зените мировой славы! А я был начинающий музыкант. Отец сказал, что такой случай в жизни бывает один только раз. «Для тебя это будет огромный шаг вперед, — говорил он. — Шаляпин — трудный человек, но если ты ему нравишься, значит, в тебе что-то есть». И я согласился. Импресарио Кашук сказал, что надо подписать контракт, на что Шаляпин заявил: «Никакого контракта не нужно. Я отвечаю за все. Этот молодой человек должен получать 100 долларов за концерт». Это по тем временам была большая сумма. А Шаляпин добавил: «Плюс полный пансион». Затем поинтересовался: «Фрак у тебя есть?». Фрака не было. Он позвонил отцу и попросил срочно приобрести фрак, а счет прислать ему. В результате все быстро устроилось, и 6 декабря 1935 года я отправился в Марсель, чтобы оттуда морем вместе с Шаляпиным отправиться в Китай.

Молва бежала впереди парохода, и во всех портах, где мы останавливались, Шаляпину устраивались грандиозные встречи. Особенно запомнилась встреча в японском городе Кобе. А затем был Токио и первый концерт.

— Как только мы прибыли в Токио, — рассказывает Георгий Францевич, — наша жизнь стала сразу же более нервной, дни оказались до предела заполнены работой. Начались последние репетиции. Великий певец совершенно преобразился. Те же произведения, которые я исполнял

на пароходе и которыми он был тогда доволен, теперь уже не удовлетворяли его. Шаляпин страшно нервничал. Позднее он точно так же нервничал перед каждым концертом. За три-четыре дня до выступления Шаляпин становился буквально неузнаваемым, словно бы другим человеком. Начинать петь уже совсем не так, как пел раньше, на репетициях. Если я не успевал следить за изменявшимися паузами или следовать совершенно новому темпу, то он нескладно сердился и тут же начинал обзывать меня ослом. Только теперь я понял, почему никто из аккомпаниаторов не мог работать с ним подолгу. Особенно его волновало

я брал с собой на каждый концерт. Аккомпаниатор должен без труда сыграть любое произведение из его репертуара, в который входило около 600 номеров. На его концертах никогда не было заранее отпечатанных программ, поскольку он сам определял по ходу выступления, что будет петь. Перед самым началом Шаляпин выбирал несколько произведений, а в антракте остальные. Степень сложности второй части концерта зависела прежде всего от состояния его голоса.

Обычно концерт Шаляпина строился так: сначала он исполнял арии и отрывки из опер, потом произведения европейских композиторов, а под конец русские народные баллады и народные песни в специальной обработке.

Концерт должен был начинаться в полвосьмого вечера. Маэстро прибыл в 19.20 бледный, мрачный и до предела взволнованный. Я никогда не забуду те минуты. Вы и сами можете вообразить, каково было начинающему музыканту оказаться перед иностранной публикой в качестве аккомпаниатора всемирно известного певца. И все же откуда-то удивительным образом взялись силы, чтобы собраться.

В 19.35 импресарио Кашук вошел в артистическую к Шаляпину и спросил, можно ли начи-

валось извлекать выразительные средства целого симфонического оркестра. Аккомпаниатор как коллега и помощник Шаляпина должен был полностью воспринимать его волю и стопроцентно участвовать вместе с ним в создании великой музыки.

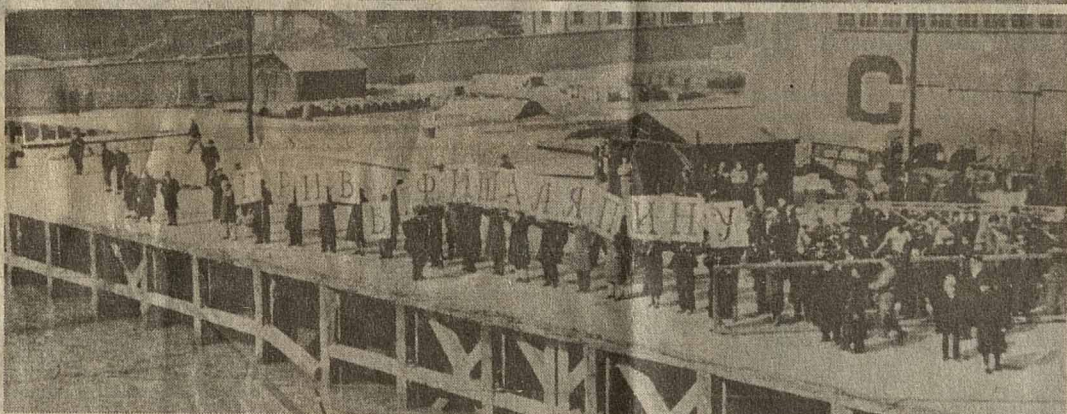
Наконец волнение совершенно улеглось.

Певец все больше зачаровывал меня, и я играл в состоянии какого-то неестественного транса.

Все же в антракте Шаляпин указал на две мои ошибки. А когда в завершение первого концерта он исполнил на «бис» «Эй, ухнем» и «Песню о блохе», началось настоящее паломничество на сцену. Восторженная публика в вечерних платьях и смокингах, кажется, сошла с ума, не зная, как выразить свою благодарность и восхищение.

Постепенно, после пяти-шести совместных выступлений, я научился по дыханию Шаляпина и по исполнению предыдущего такта догадываться, что маэстро собирается делать дальше. Про себя я пел беззвучно вместе с ним, и с каждым разом наш дуэт становился все лучше и безошибочнее...

Вместе с Георгием Францевичем мы отправились в один из дней в дом для престарелых ар-

ло состояние голоса и то, что он не прозвучит на концерте так, как надо. Он подозревал, и даже верил в то, что аккомпаниатор постоянно ошибается, даже если тот точно следовал ранее им самим сделанным указаниям. За день до концерта его настроение ухудшалось еще больше. Я страдал безумно.

Наконец мы дожили до генеральной репетиции. Шаляпин был недоволен своим голосом. У него ничего не получалось, и тогда его раздражение срывалось опять-таки на мне. Когда он был в хорошем настроении, то обращался ко мне на «ты». Теперь же он говорил мне «вы».

В конце концов у меня не выдерживали нервы. Я исполнял одну и ту же вещь снова и снова, и при этом Шаляпин отстукивал такт кулаком по крышке рояля и кричал: «Вот так надо играть!». Неожиданно голос маэстро как будто освободился от сильного напряжения и зазвучал. Все сразу пошло намного лучше, и генеральная репетиция закончилась хорошо.

В день концерта маэстро с самого утра очень нервничал и провел весь день у себя в комнате в халате. Мы и не подозревали, что роковая болезнь уже тогда зарождалась в нем. Около полудня Шаляпин объявил, что охрип и не сможет петь. Он жаловался, что ему трудно дышать. Отказ петь никто не воспринимал всерьез. Он не раз делал так и раньше, перед каждым концертом.

Приблизился один из самых торжественных моментов моей жизни. Около шести часов вечера я облачился во фрак и поехал вместе с импресарио к месту проведения концерта — в «Хибия Паблик-холл». У меня было с собой три больших портфеля с нотами. Весь репертуар Шаляпина

на концерт. Шаляпин тут же отобрал ноты девяти произведений и протянул мне. Потом маэстро сказал, что если после исполнения первого номера он почувствует, что голос звучит хорошо, то следующее произведение Бетховена надо играть на полтона выше, то есть в ми мажоре. Если же он подаст другой условный знак, то играть надо так, как написано, то есть в до мажоре.

Потом Шаляпин шлепнул меня «на счастье», перекрестил, и я вышел на сцену с дрожью в коленях. Зал был полон. Две трети слушателей составляли японцы, остальные были европейцы. Женщины были в вечерних платьях или праздничных кимоно. Все мужчины, в том числе и японцы, — в смокингах...

Когда вышел Шаляпин, аплодисменты в зале не смолкали минут пять. После того как они улеглись, он объявил, что сначала будет петь по-английски и по-французски. Первым номером маэстро исполнил «Пророка» Римского-Корсакова. Его исполнение было столь великолепным, что только тогда я по-настоящему понял, какой Шаляпин великий артист. Только на концерте Федор Иванович полностью отдавался пению. Здесь он все исполнял совершенно иначе, чем на репетициях. Каждое произведение он представлял как драматический, поэтический и волнующий музыкальный рассказ. Чуткий слушатель полностью сливался с ним в восприятии мелодии и стиха. Только на этом концерте я понял, что он имел право требовать от аккомпаниатора многого. Иногда почти невозможного. Порой надо было подражать грохоту пушек или изображать тихие и полные ужаса фанфары, а при исполнении оперных арий из рояля требо-

валось к известной оперной певице Ирве Ахолаинен, которая выступала в 1935 году в роли Маргариты в опере «Фауст» вместе с Ф. И. Шаляпиным. В свои 86 лет она еще полна сил, энтузиазма. У нее тоже сохранились самые яркие впечатления от встречи с Шаляпиным. Но в ее воспоминаниях великий певец предстал более сдержанным, чем в рассказе Годзинского. Может быть, потому, что по отношению к женщине Шаляпин умирал свои эмоции.

— Для меня, конечно, было волнующим событием выступать с таким всемирно известным артистом, — рассказывает она. — В особенности беспокоили первые репетиции: как нам удастся «спеться» с Шаляпиным? Волновались в опере все, не только я. Каждый старался быть настолько внимательным, насколько мог. Сам же Шаляпин был внешне спокоен. Лично я не замечала, чтобы певец каким-то образом нервничал, волновался. Он был очень оживленным перед выступлением, подбадривал нас, в том числе и меня.

На память о совместном творчестве он подарил певице свою фотографию с надписью «Мадемуазель Ирве Ахолаинен с наилучшими пожеланиями. Федор Шаляпин. 1935 год». Эта фотография висит на почетном месте в самом центре среди большой коллекции дорогих певице фотовоспоминаний.

Н. ГОРБУНОВ.

Хельсинки — Москва.

НА СНИМКАХ: ШАЛЯПИН перед отлетом из Хельсинки в Стокгольм, 23.11.35; слева направо — Н. ГОРБУНОВ, Жорж де ГОДЗИНСКИ, ИРВЕ АХОЛАИНЕН. Хельсинки, ноябрь 1930 г.; Встреча в Шанхае, Январь 1936 г.